

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ¹

В советской филологии накопилось немало ценных наблюдений над языком и стилем некоторых художников слова. Известны и опыты истории русского литературного языка, основанные на обширном материале и отражающие представления авторов о процессах исторического развития различных форм литературно-языкового выражения (В. В. Виноградов, А. И. Ефимов). Кроме того, есть ряд содержательных работ по теории, методике и методологии исследований интересующих нас вопросов (В. В. Виноградов, А. И. Ефимов, В. Д. Левин, Ю. С. Сорокин, Н. Ю. Шведова). Тем не менее едва ли в каком-либо другом разделе отечественной науки о языке остается так много неразрешенных задач и еще не выясненных понятий, как в области изучения языка и стиля писателей, языка художественной литературы. Исследователи постоянно упоминают о неразработанности принципов и методов анализа этого материала, о неясности приемов и границ наблюдений, об отсутствии полных образцов стилистико-лингвистического описания литературных произведений, их лексики, фразеологии, синтаксического строя и пр. Отмечается и неразрешенность вопроса о функциональных стилях, отсутствие четких формулировок понятий языка и стиля писателя, языка и стиля литературного произведения, художественной речи (поэтического языка), литературно-языковой нормы² и др. Как утверждают, даже само понятие «литературности» остается недостаточно ясным.

Обращаясь к диссертационным работам о языке и стиле писателей, мы замечаем, что в начале пятидесятых годов наметился значительный перелом в целевых установках и методических приемах исследования. Теперь диссертанты, рассматривая литературные тексты как памятники и источники истории литературного языка, уже не ограничиваются инвентарными описаниями фактов и их классификацией, а пытаются выяснить соотношения языка писателей или отдельных элементов речи художественных произведений с общенародным языком и его разветвлениями, литературным языком и его стилями. Исследователи стремятся познать структуру литературного языка, раскрыть процессы его исторического развития в той мере, в какой о целостной системе можно судить на основе отдельных, индивидуальных видов ее использования и творческого отражения. Вместе с тем усиливается интерес молодых ученых к языково-стилистическому познанию индивидуальных речевых систем, а также к вопросам специфики речи литературных произведений, языка художественной литературы.

Однако в своей общей оценке диссертационных работ, посвященных языку и стилю писателей, акад. В. В. Виноградов отмечает как весьма распространенное явление недостаточную глубину научного анализа, редкость оригинальных выводов и теоретических обобщений, способных открыть «новые перспективы исследования стилистики современной художественной речи»³. Далее говорится о часто наблюдающемся «смещении языковедческого подхода с литературоведческим». Доказательством такого «смещения» служит тот факт, что диссертанты «не всегда достаточно четко и ясно разграничивают задачи изучения литературного произведения как материала для исследования явлений современной литературной речи и задачи изучения способов художественного

¹ По материалам авторефератов кандидатских диссертаций, защищенных в период с 1951 по 1955 гг.

² Но см. удачный опыт определения этого понятия в статье С. И. Ожегова «Очередные вопросы культуры речи» (сб. «Вопросы культуры речи», вып. I, М., Ин-т языкознания АН СССР, 1955).

³ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 40—41.

использования разных речевых элементов, преимущественно лексики и фразеологии в композиции целого»¹. Но, как мы склонны думать, вряд ли можно безоговорочно принять этот упрек, не отрицая законности «очень распространенной в нашем языковедении тенденции относить анализ языка и стиля художественных произведений к науке о русском литературном языке»². Если же без необходимых уточнений принять выдвинутую выше оценку, то пришлось бы утверждать, что стилистическое изучение языка писателей, речи литературных произведений выходит за пределы лингвистики. В самом деле, всегда ли можно и должно, работая над языком и стилем писателей, четко и ясно разграничивать изучение индивидуальной речевой системы как частного проявления общенародного языка и задачи изучения способов стилистического использования языка? Может быть, как раз объединение этих задач в диссертациях о «языке и стиле писателей» подсказывается требованием соответствия содержания работ их названию?

Нужно еще учесть, что даже ограничивая тему своих разысканий только «языком» литературных произведений и прежде всего «отправляясь от понятий и категорий общей литературно-языковой системы», исследователь обязан вникать «в приемы и методы их индивидуально-стилистического использования», принужден «обращаться к... вопросам и категориям индивидуальной стилистики...»³. Таким образом, если четкое размежевание двух аспектов исследования не представляется уместным и желательным, то, очевидно, в определенных случаях приходится говорить не о их «смешении», а скорее об «объединении». Остается неясной и сама возможность «выводов и обобщений, открывающих новые перспективы исследования стилистики современной художественной речи», но сделанных не на основе анализа «способов художественного использования разных речевых элементов» (см. выше).

Чаще всего диссертанты не выдерживают традиционного стиля изложения, принятого в грамматических исследованиях и историях языка, но приводят сведения, например, о биографии изучаемого автора⁴ или характеризуют его эпоху⁵, привлекают факты из истории развития общественной мысли⁶, дают представление об идейных позициях писателя и пр. Однако по преобладанию целевых установок, по преимущественному вниманию к определенному кругу фактов можно условно различать две главные разновидности диссертаций, посвященных речевым средствам литературных произведений.

Основной целью сравнительно небольшого числа диссертационных работ является познание различных сторон литературного, общенародного языка по материалам грамматики, лексики и фразеологии языка писателей или речи отдельных литературных произведений. Например, при изучении категорий русского глагола, его структуры, форм привлекаются факты из произведений Кантемира⁷, или текст трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» служит источником для исследования типов неполных предложений и условий употребления их в современном русском литературном языке⁸. Речь художников слова — людей, обладающих острым языковым чутьем, — ценится как источник, в котором материя и форма родного языка находят одно из своих ярких воплощений. Так, к прозе Лермонтова обращаются при наблюдениях над сложноподчиненными предложениями в русском литературном языке, считая, что эти письменные памятники дают «классические образцы мастерского использования сложного предложения»⁹ и др.

¹ В. В. Виноградов, указ. [соч., 41.]

² Там же, стр. 37.

³ В. В. Виноградов, Язык художественного произведения, ВЯ, 1954, № 5, стр. 14—15.

⁴ Ср. П. В. Бурба, Особенности лексики «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков». Автореф. канд. диссерт., Киев, 1953. В дальнейшем при ссылке на авторефераты канд. диссертаций указание «Автореф. канд. диссерт.» заменяем сокращением (А).

⁵ Ср. В. Н. Айдарова, Лексико-фразеологический состав одического слога Г. Р. Державина. (А), Тбилиси, 1953.

⁶ См. А. М. Дряхлушин, Лексика «Сказок» М. Е. Салтыкова-Щедрина. (А), М., 1955, стр. 5 и др.

⁷ В. А. Приходько, Формы и категории глаголов в произведениях А. Д. Кантемира. (А), Л., 1953.

⁸ Н. П. Колесников, Неполные предложения, их структура и условия их употребления. (На материале трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»). (А), Тбилиси, 1954.

⁹ Ср. С. А. Бах, Структура союзного сложноподчиненного предложения в прозе М. Ю. Лермонтова. (А), М., 1952, стр. 3; о языке Пушкина как идеальной норме литературного языка см. С. Ф. Молчанова, Нормы ударения в стихотворном языке Пушкина и их отношение к современному (ударение в системе глагола). (А), Ярославль, 1954.

Впрочем, описывая и группируя факты языка писателей иногда с помощью тех же приемов и по тем же рубрикам, какими пользуется и общая грамматика языка, диссертанты в отдельных случаях устанавливают преобладание одних явлений над другими в пределах изучаемого источника и таким путем выявляют индивидуальную манеру писателя выражать свои мысли. Например, среди сложносочиненных предложений в прозе Лермонтова отмечается между прочим преобладание соединительных конструкций с союзом *и*, которыми писатель особенно часто... пользуется... для выражения присоединительных отношений» и пр.¹ Выбор же определенных синтаксических конструкций ставится в зависимость от содержания речи (там же).

Описательный метод характеристики языка писателя или отдельных элементов грамматического строя и словарного состава его литературных произведений не пользуется популярностью у молодых исследователей², хотя описательные характеристики языка мастеров слова, научная грамматическая или лексикографическая инвентаризация фактов создают надежную базу для последующих обобщений, без которых не может обойтись история литературного языка³. Укоренилось убеждение, что подобному типу работ не могут быть свойственны качества научных исследований. Диссертантов интересует не столько подготовка материалов для будущей истории литературного языка, сколько непосредственное выявление роли писателя в этой истории.

Исследователи, изучая языковые явления, современные для писателя, иногда не прослеживают их дальнейшие исторические судьбы⁴. Авторы лишь намечают связи между языком писателя, речью литературного произведения, с одной стороны, и живыми формами национально-языкового выражения, например связи с разговорной речью, с языком устного народного творчества, с другой⁵, и пр.

Простейшим способом применения исторического метода являются сопоставления языка писателя, жившего в более или менее отдаленном прошлом, с языком, современным для исследователя. Таким путем, в частности, устанавливается, что структура сложноподчиненных предложений «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева подверглась лишь немногим изменениям в дальнейшей истории литературного языка. Положительное это выставлено свидетельством устойчивости его грамматического строя⁶. Или прием диахронических сопоставлений позволяет определить различные изменения, происшедшие в языке⁷, например показывает, что «характер и объем разговорной и книжной лексики середины XVIII в. не совпадают с соответствующими категориями в современном русском литературном языке»⁸.

Но в работах о языке писателя не всегда можно с большой определенностью очертить объем источников, привлекаемых для синхронных сопоставлений, прежде всего потому, что границы между фактами современными и фактами историческими не представляются вполне четкими: история бытует в современности, которая сама является творимой историей. Поэтому мысль исследователей не сосредоточивается на состоянии языка в один из моментов его истории, а направляется на процесс развития языка, чтобы выявить роль писателя как исторического деятеля⁹.

Строго говоря, историзм не утрачивается и при использовании метода синхронных сопоставлений, показывающего, что нового внес писатель в речевой опыт людей своей эпохи, т. е. в чем именно проявил он себя как активный деятель истории литературного

¹ А. А. Т ю т я е в а, Сложносочиненное предложение в прозе М. Ю. Лермонтова. (А), Харьков, 1953, стр. 14.

² См., например: М. Б. Б о р и с о в а, Язык и стиль пьесы М. Горького «Враги». (А), Л., 1952, стр. 4; Е. И. М о т и н а, Научная терминология в произведениях Н. А. Добролюбова. (А), М., 1954, стр. 1.

³ Ср. известный «Опыт грамматики языка Пушкина» Е. Ф. Б у д д е (Сб. ОРЯС, т. 77, № 4, СПб., 1904) или, например, Е. А. А b b o t t, A shakespearean grammar, London, 1881, и др. Что же касается многочисленных лингвистических лексиконов, составленных по материалам художественных произведений писателя, то вопрос о роли их в работе историка языка заслуживает особого рассмотрения.

⁴ М. К. М а к с и м о в а, Наблюдения над лексикой А. П. Герцена. (По материалам «Писем с того берега»). (А), Л., 1949.

⁵ Ср. Н. А. П р о н ь, Синтаксис повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». (А), Саратов, 1953, стр. 5.

⁶ П. М. А б р а м о в и ч, Сложноподчиненные предложения в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. (А), Л., 1953, стр. 17.

⁷ См. Е. В. А в д о ш е н к о, Суффиксы имен существительных в языке сочинений М. В. Ломоносова. (А), М., 1954.

⁸ В. В. З а м к о в а, Лексика притч А. П. Сумарокова. (А), Л., 1953, стр. 15.

⁹ Ср. Л. А. В о й н о в а, Лексика поэзии Г. С. Державина. (А), Л., 1954, стр. 16; см. также: Г. М. М и ж е в с к а я, Морфологические особенности произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». (К истории развития русского литературного языка). (А), Саратов, 1953; Н. П. Л ю л ь к о, Язык и стиль пьесы А. П. Чехова «Три сестры». (А), Л., 1953, стр. 5 и др.

языка. Пусть деятельность писателя и не оказала решающего влияния на дальнейшее развитие языка, но она не была узко-индивидуальной, а ее связанность с речевой практикой современников уже сама по себе представляет явление, мимо которого не может пройти историк литературного языка. Индивидуальное привлекает исследователей лишь как зародившееся общее, как то, что входит в речь коллектива, укореняется в ней или хотя бы получает временный резонанс (ср., например, роль «личной инициативы» Рылеева, который наполнял установившуюся к его времени терминологию общественно-политического словаря «новым политическим, революционным содержанием» и придавал политические значения некоторым словам общего литературного языка¹).

При изучении языка литературных текстов обычно отбирают факты, обладающие, с точки зрения исследователей, некоторой примечательностью. Такие факты называют «особенностями» языка той или иной литературной личности². Вполне очевидна опасность для исследователя, говоря об «особенных» чертах речи писателя, полагаться только на свои впечатления о «необычности» фактов, потому что личная инициатива раскрывается лишь на фоне коллективного речевого опыта и познается при помощи обширной аппаратуры, далеко выходящей за пределы текстов изучаемого автора. Нужна большая осведомленность в фактах языка его современников и предшественников, причем не только деятелей художественного слова. Синхронно-исторические сопоставления предохраняют от «самой распространенной ошибки», давно подмеченной, в частности, французскими филологами, утверждавшими, что при изучении языка писателей часто думают, будто всякого рода его отступления от «привычных» форм составляют «особенности» его речи, свойственные только ему одному, отличающие лишь его манеру³.

Без ясной исторической перспективы и отчетливых представлений о тенденциях литературно-языкового развития нельзя и различать в языке писателей «общего и индивидуального», ни судить о том, как изучаемый автор творчески использовал материал общенародного языка⁴. При недостаточной строгости научного метода легко принять за узус то, что было и осталось только в сфере индивидуального употребления⁵. Хотя индивидуальная речевая система, а также язык художественной литературы являются частным выражением общенародного языка, но отсюда еще не следует, что в них нет ничего, чего не было бы в языке литературном, общенародном.

Здесь мы считаем достаточным сослаться на то, что, например, стихотворная или (более широко) поэтическая речь, протекающая в русле литературного языка, может обладать специфическими чертами, которые ничуть не претендуют на массовое распространение в общенародной речевой практике.

Разумеется, при слабом оснащении некоторых диссертаций фактическими материалами⁶ и недостаточном привлечении сравнительных данных трудно убедительно доказать воздействие того или иного писателя на развитие общенародного языка. Впрочем а priori, конечно, можно утверждать, что выдающиеся художники слова, крупные публицисты и критики являются деятелями истории литературного языка, хотя бы в той мере, в какой они, употребляя определенные грамматические формы и словесные средства, как бы освещают их своим авторитетом, содействуют их относительной стабилизации и, следовательно, оказывают воздействие на становление литературно-языковых норм⁷. Участие литераторов в этом процессе обычно считают значительным⁸.

¹ Н. В. Ермолаева, *Общественно-политическая лексика стихотворных произведений К. Ф. Рылеева*. (А), М., 1953.

² См., например, Н. Л. Юзбашева, *Особенности лексики романа А. Толстого «Петр Первый» как исторического произведения*. (А), Л., 1954; ср. также М. А. Шелякин, *Работа И. С. Тургенева над языком «Записок охотника»*. (А), М., 1954, стр. 2 и др.

³ См., например, грамматическое введение к «*Lexique de la langue de Racine avec une introduction grammaticale par M. Ch. Marty-Laveaux, précédé d'une étude sur le style de Racine par M. Paul Mesnard*», Paris, 1888. Ср. в этой связи: Ю. А. Бельчикова, *Общественно-политическая лексика в сочинениях В. Г. Белинского 40-х гг.* (А), М., 1954, стр. 7.

⁴ Ср. об этой проблеме: П. П. Дощенко, *Лексические и грамматические особенности языка поэм А. Малышко*. (А), Киев, 1953 и др.

⁵ О распознавании индивидуальных и групповых отличий писал Л. В. Щерба (см. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», ИАН СССР, Серия VII—Отд-ние обществ. наук, 1931, № 1). Любопытны наблюдения К. Фосслера (*Der Einzelne und die Sprache*, в кн.: K. Vossler, *Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie*, München, 1923).

⁶ См. об этом: В. В. Виноградов, *Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР*, стр. 40.

⁷ См. Л. И. Шощакая, *Общественно-политическая лексика гражданской поэзии декабристов 20—30-х гг. XIX в.* (А), Л., 1953, стр. 3.

⁸ См. М. А. Карпенко, *Лексика и фразеология романа А. М. Горького «Пома Гордеев»*. (А), Киев, 1953, стр. 1 и др.

Но выводы из исследований в ряде случаев кажутся однотипными, чрезмерно общими, мало конкретными. Чаще всего диссертанты приходят к заключениям, не очень оригинальным, вроде того, что язык писателя — это общенародный язык¹, или же что писатель подготовил почву для развития языка по пути национальной демократизации, участвовал в этом процессе², сделал вклад в развитие литературного языка и т. д. и т. п. Деятельность крупного писателя расценивается как «более прогрессивный этап в развитии русского литературного языка»³. Конкретно, например, указывается роль М. Горького в «совершенствовании строя простого предложения», конструкции же с обособленным определением, применяемые М. Горьким в повести «Фома Гордеев», один из диссертантов склонен считать «созвучными языку читателя» и тем самым активно воздействующими на разговорную речь, поднимающими язык «на новую, более высокую ступень развития»⁴. Или, например, местно-диалектные слова, удачно отобранные и использованные писателем, признаются одним из источников обогащения лексики литературного языка⁵. Отмечается участие исследуемого писателя в «упорядочении и совершенствовании русского языка»⁶ и пр.

Легко заметить, что довольно часто, но не всегда с необходимыми уточнениями, исследователи упоминают о роли писателей в движении языка по пути «совершенствования» и «прогресса». Нужно учесть, что в истории лингвистических учений мысль о движении языка к «совершенству» (ср. O. Jespersen, *Progress in Language*, 2-d. ed., London) возникла как реакция на романтические представления о том, что «идеал» языка надо искать в далеком прошлом и что история индоевропейских языков показывает процессы «высрждения», «распада» (А. Шлейхер). Если не различать достоинств языка и степени его развития (Ж. Вандриес), то исследователь неизбежно будет испытывать значительные затруднения в оценке фактов. В самом деле, появление в русском языке дифференцированных средств выражения прямого дополнения имен существительных одушевленных и неодушевленных можно считать «достижением» языка, показателем его стремления к большей точности выражения мысли. Но как быть, например, с известным фактом утраты инфинитива болгарским или новгородским языком? Или если исчезновение во французском языке *imparfait du subjonctif* допустимо признать показателем тенденции языка к более экономному выражению в грамматических формах грамматических отношений, то факт сведения в одно современными французским языком двух прошедших времен (*passé défini* и *passé indéfini*) вряд ли заслуживает «положительной оценки» в качестве одного из показателей идеи неуклонного улучшения языка, его совершенствования⁷. Идея «совершенствования» языка не становится более ясной, когда ее выдвигают в работах о языке художественной литературы. Вообще нам кажется сомнительным, что для всех периодов истории языка приложима теория постепенного «улучшения» его морфологических форм, синтаксических конструкций и пр. Если же и признать русский литературный язык, отраженный, например, в произведениях Пушкина, «менее совершенным», чем современный русский язык, используемый советскими писателями, то ведь само по себе большее совершенство «сырого материала» еще не обеспечивает высокого качества «продукции».

О существенных признаках различных «форм» литературного языка в историческом развитии позволяют судить диссертации, в которых рассматриваются, например, стихотворная речь, речь прозаическая той или иной литературно-жанровой разновидности. Упомянем работу о «Беспредложных именных сочетаниях в поэтическом языке Пушкина», посвященную проблеме словосочетания как лексико-грамматической единицы и показывающую использование одной из именных конструкций, пришедших поэтическому языку Пушкинской эпохи⁸. Для истории формирования поэтического словаря русского литературного языка служат общие работы о лексике поэтических произве-

¹ См. К. В. К о в а л е в а, *Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова*. (А), Минск, 1955, стр. 19, и др.

² С. М. П о т а п о в, *О некоторых особенностях языка и стиля романа А. М. Горького «Мать»*. (А), Харьков, 1953, стр. 14; С. П. Г л у ш к о в, *Язык од М. В. Ломоносова*. (А), Киев, 1954, стр. 14.

³ В. П. А й д а р о в а, указ. автореф., стр. 5 и сл.

⁴ Л. А. Л а в р о в с к а я, *Приемы и принципы построения А. М. Горьким простого предложения с децентрированным оборотом и обособленным определением (по материалам повести «Фома Гордеев»)*. (А), М., 1955, стр. 16.

⁵ М. В. Г л у ш к о в а, *Приципы использования диалектизмов в языке советских романов и повестей на колхозную тему*. (А), Саратов, 1954, стр. 15.

⁶ В. А. П р и х о д ь к о, указ. автореф., стр. 4.

⁷ См. Ж. В а н д р и е с, *Язык*, М., 1937, стр. 108.

⁸ М. Т. Т а г и е в, *Беспредложные именные словосочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина (словосочетания с именем существительным в родительном падеже)*. (А), М., 1954.

дений писателя¹. Назовем и исследование о «Кратких и полных именах прилагательных в языке произведений Сумарокова»².

Некоторые синтаксические черты языка русской научной прозы, зародившейся в середине XVIII в., устанавливаются на основании анализа языка научных сочинений Ломоносова. Из них отобраны и систематизированы по группам основные типы относительных конструкций, определены функции отдельных видов придаточных предложений, причем различие архаичных черт синтаксиса свидетельствует о тенденции ставить факты в некоторую историческую перспективу³. Один из исследователей, определяя по произведению Писарева характерные признаки «научно-популярного языка», приходит к выводу о том, что подбор словесных средств и грамматических форм в данном виде литературного выражения определяется стремлением автора к общепонятности, доступности для широкого читателя⁴. Не затрагивая здесь вопроса о возможности характеризовать специфику лингвистических категорий с помощью таких понятий, как «доступность», «понятность»⁵, заметим только, что исследователи определяют стили литературного языка по соответствующим видам устной или письменной речи⁶. Но сами факты изучения разных речевых стилей по отражению их в произведениях художественной литературы показывают, что речь художественно-беллетристических произведений не рассматривается в ряду функциональных стилей. Язык художественной литературы признается способным отражать всю сложную систему литературного языка⁷, так же как художественная литература отражает жизнь во всем ее реальном многообразии. В некоторых диссертациях уточняются понятия «стиль публицистический»⁸, в частности черты его лексики⁹, синтаксической структуры¹⁰, понятие просторечия, его роли в языке литературы¹¹ и др. Выявляются экспрессивные качества, заложенные в речевых стилях и показывающие, что сам материал литературного языка, которым писатель пользуется как определенной данностью, обладает выразительными свойствами. Вместе с тем диссертанты подмечают, как под воздействием литературных произведений писателя расширяется сфера употребления элементов различных речевых стилей литературного языка, внелитературно-просторечных форм и др. В ряде работ перекрещиваются лингвистические понятия «речевых стилей» с понятиями литературных жанров¹².

Исследователи изучают литературный язык данного периода по языку писателей как по одному из наиболее ярких и сложных проявлений литературного языка¹³.

¹ Ср. В. Ф. Алтайская, Лексика поэзии Девиса Давыдова. (А), Ужгород, 1950, и др.

² Е. А. Алехина, Краткие и полные имена прилагательные в языке произведений А. П. Сумарокова. (А), М., 1954.

³ Г. Н. Акимов, Относительное подчинение в научной прозе М. В. Ломоносова. (А), Л., 1955.

⁴ О. Н. Лимаренко, Синтаксис научно-популярного языка Д. И. Писарева. (А), Саратов, 1953, стр. 24.

⁵ Установка на «понятность» входит в намерения любой коммуникации. Кстати, отбор слов по принципу «общепонятности» и «общедоступности» представлен в другой диссертации как характерный для писателя, работающего в жанре комедии (Е. Э. Биржанова, Лексика комедий И. А. Крылова. (А), Л., 1953).

⁶ См. А. И. Ефимов, О языке художественных произведений, 2-е изд., М., 1954, стр. 10—15.

⁷ См. В. Д. Левин, О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка, сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1.

⁸ Ср. К. И. Павлова, Особенности языкового стиля публицистических произведений А. М. Горького периода советских лет. (А), Киев, 1954; см. также В. А. Сиротина, Особенности языка и стиля публицистики А. М. Горького советского периода, Киев, 1952.

⁹ См. М. К. Максимова, указ. автореф.

¹⁰ В. А. Савельев, Наблюдения над структурой и стилистическими функциями сложного предложения в публицистических произведениях В. Г. Короленко. (А), М., 1955. Работа ориентирована на обслуживание задач истории русского литературного языка и, как пишет автор, предназначена для «будущих обобщений в области грамматической стилистики» (стр. 5).

¹¹ Г. Ф. Митрофанов, Внелитературно-разговорная лексика повести А. М. Горького «Фома Гордеев». (А), Томск, 1954; ср. еще В. Н. Муравьева, Просторечная и диалектная лексика в рассказах Мамина-Сибиряка 80—90-х гг. (А), М., 1952; см. особенно В. П. Вомперский, Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х гг. (О роли просторечия в языке сатиры). (А), М., 1954.

¹² Ср. Е. Ф. Петрицева, Лексика и фразеология сатирической прозы И. А. Крылова. (А), Л., 1953, стр. 21 и др.

¹³ См. Н. Ю. Шведова, К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя, ВЯ, 1952, № 2, стр. 107.

При таком подходе становится излишней та «критика текстов», которая заставляет историков литературы, отбирающих для нее источники, отличать собственно художественные произведения от памятников письменности. Языковеды заняты фактами общенародного литературного языка, а не вопросами их использования в составе целостной литературной композиции. Диссертанты исследуют как бы «физические свойства и структуру строительного материала», а не способы его «архитектурного» использования¹.

Изучение в этом аспекте языка писателей, произведений художественной литературы отнюдь не создает полного отрыва от стилистики, всегда имеющей дело с отбором. Связи таких работ со стилистикой сохраняются хотя бы в той мере, в какой собранный исследователем материал показывает, какие формы, фразеологизмы, синтаксические конструкции писатель отобрал, какие лексические пласты и экспрессивные средства национально-языковой системы он использовал.

Закононость изучения общего языка, его грамматки и истории на основе такого важного источника, каким является язык писателей, речь произведений художественной литературы, не подлежит сомнению, хотя не всегда и не всеми признается целесообразность анализа языка писателей в отрыве от стилистических проблем². Нужно только помнить, что нормы языкового сознания коллектива не отражаются в языке писателей с зеркальной точностью. Отражение это дает реалистический «образ» литературного языка. Но исследователь имеет достаточно веские основания, изучая язык народа, обращаться к индивидуальным речевым системам, художественно организованным, подобно тому, как, например, историк культуры вправе познавать историческую действительность, в частности, по образному ее отражению в произведениях реалистического искусства. Поэтому языковой материал литературного произведения признают способным отражать «в художественно-преобразованном виде... основные процессы и внутренние закономерности общенародного языка»³.

Значительная группа диссертаций проецируется сразу в две плоскости. Во-первых, факты языка писатели осмыслиются в их отношении к литературному языку, его нормам и речевым стилям, а также к общенародному языку с его местнодиалектными разветвлениями. Во-вторых, рассматриваются функции тех языковых средств, какие отобраны писателями для выражения определенного содержания, идейного эстетического замысла. Диссертантов интересует вопрос о переходе категорий общенародного языка в категории художественно-стилистические. Исследователи применяют стилистический подход, в основе которого лежит признание неотделимости языка в художественной литературе от идейного замысла писателя, от образной ткани произведения, от характера действующих лиц и от той творческой личности повествователя, которая создается всей композицией художественного произведения⁴. Но, интересуясь мотивами отбора и спецификой организации речевого материала, осмысливая этот материал в связи с идеями, эстетическими задачами, поставленными литераторами и отражающими черты их мировоззрения⁵, диссертанты и здесь не обходят вопроса о влиянии писателя на развитие литературного языка и на оформление его стилей⁶.

Как правило, в вводных разделах диссертационных работ мы не встречаем оригинальных определений тех основополагающих понятий, с которыми постоянно имеют дело исследователи языка и стили. Обычно используются уже известные определения стилей речи, стили языка, индивидуального стили писателя и др.⁷ На суждениях исследователей о проблемах стилистического изучения запечатлелось состояние разноречия

¹ Правда, это положение выступает больше теоретическим постулатом, чем фактом действительности, потому что на практике исследователи-грамматисты и историки языка далеко не всегда отстраняют вопросы, которые обычно ставятся при стилистическом изучении языка литературно-художественных памятников (ср., например, К. И. Павлова, указ. автореф. и ряд других).

² Ср. Г. И. Шкляревский, Язык и стиль публицистики А. М. Горького (На материале циклов очерков-памфлетов «В Америке» и «Мои интервью»). (А), Харьков, 1953, стр. 5.

³ П. В. Вальков, Некоторые синтаксические особенности диалогической речи по пьесе М. Горького «Васса Железнова» (вариант 1910 г.). (А), Л., 1955, стр. 4.

⁴ См. В. Виноградов, Насущные задачи советского литературоведения, «Знамя», 1951, № 7, стр. 148.

⁵ Ср. О. А. Красильникова, Фразеологический состав поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». (А), Харьков, 1953.

⁶ Ср.: М. Я. Кривонкина, Общественно-политическая лексика публицистики А. М. Горького советского периода. (А), М., 1953; А. Т. Кунгурова, Лексика комедий А. П. Сумарокова. (А), М., 1954.

⁷ Ср.: Н. Ф. Шумилов, Лексика и фразеология комедии В. Маяковского «Баня». (А), М., 1955; О. А. Шестакова, Работа А. М. Горького над языком и стилем повести «Фома Гордеев». (А), М., 1953.

и сравнительная бедность разработки научной теории, которые были обнаружены, в частности, в дискуссии по стилистике¹.

Довольно широко распространено представление о системном характере речевых стилей и представление о литературном языке как в известном смысле «системе систем». Нельзя не обратить внимания на то, что обычно не учитывается целесообразность разграничения понятия «стилей языка» и «стилей речи». Далеко не редким является неразличение речевого стиля и индивидуального стиля высказывания, смешение этих двух категорий. Наблюдается недифференцированный подход при попытках классификации речевых стилей: эмоционально-экспрессивная окраска слов рассматривается в одном плане со стилистической выразительностью, зависимой от ограниченности сферы общественного применения языка. Не всегда отличают стили языка, стили речи от речевых средств, связанных с той или иной жанровой приметой произведения художественной литературы. Правда, наличие связей может не нуждаться в особых доказательствах², однако оно характеризует не систему общего литературного языка, а только уточняет с помощью некоторых языковых признаков жанровые черты тех или иных литературных произведений.

Рассматривая литературные тексты не только как памятники письменности и источники для истории литературного языка, но и в их художественной специфике, диссертанты исходят из признания слитности коммуникативной и эстетической функций языка в произведениях словесного искусства. На этой основе и создается два тесно связанных между собой плана изучения — «стилистика-языковой», в котором разрешаются вопросы соотносительности использованных писателем средств языка с общенародным языком, включая его диалектно-профессиональные отклонения, с литературным языком в его стилистическом многообразии, и план «литературно-стилистика», устанавливающий в аспекте целостной художественной композиции характер отбора языковых средств для данного литературного произведения³, способы превращения материала общего языка в «словесно-художественный стиль (слог) писателя»⁴.

Следовательно, с одной стороны, такие диссертации служат познанию общей языковой системы, процессов развития литературного языка, поскольку отобранный материал общего языка, несмотря на особые качества его как «первоэлемента литературы», остается языком общенародным⁵. С другой стороны, в исследованиях, отнесенных к этой группе, осуществлен стилистический подход к языку, рассмотрен отбор лексических, фразеологических и грамматических средств, обусловленный творческим методом писателя, его эстетическими установками, индивидуальной манерой и пр.⁶ Авторам занимает вопрос об использовании языка как орудия борьбы⁷, как средства выражения идеологии своего класса, пропаганды своих идей⁸. Понятие индивидуального художественного стиля тесно связывается с мировоззрением писателя⁹, которое обуславливает собой соответствующий отбор и художественное применение средств общенародного языка¹⁰. Тема, идея произведения, его образная система признаются неотделимыми от языка, этого основного материала произведения литературного искусства¹¹. Эстетическая проблема типического также включается в круг проблем изучения языка и стиля писателя¹². Для стилистического анализа считают важным уста-

¹ См. об этом В. В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, ВЯ, 1955, № 1.

² См.: Л. П. Черкасова, *Стилистические средства пародии в журнале Н.А. Добролюбова «Свисток»*. (А), Харьков, 1954; М. И. Хмелинина, *Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького*. (А), М., 1952; Т. Г. Ильинская, *Лексика «Истории Петра» Пушкина*. (А), Тбилиси, 1954.

³ В. Н. Хохлачева, *Разговорная лексика I тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя*. (А), М., 1952, стр. 4.

⁴ Г. И. Шкляревский, указ. автореф.

⁵ Ср. М. А. Карпенко, указ. автореф.

⁶ Ср. С. А. Кудряшов, *Лексика и фразеология поэм И.С. Никитина*. (А), М., 1954 и др.

⁷ Ср. А. Х. Мищенко, *Публицистическая лексика и фразеология А. И. Герцена* (по статьям в «Колоколе»). (А), М., 1954.

⁸ С. А. Пугач, *О языке и стиле Писарева-публициста*. (А), Харьков, 1954; *О выражении классовой идеологии в языковом стиле см.: Г. А. Шелютто, Стиль и словарный состав публицистики Н. Г. Чернышевского*. (А), Киев, 1952, стр. 1.

⁹ П. Г. Минеев, *Художественные особенности «Тихого Дона» М. Шолохова*. (А), Черновцы, 1954, стр. 14.

¹⁰ С. Г. Ильенко, *Стилистические особенности автобиографического жанра у М. Горького*. (А), Л., 1951, стр. 4.

¹¹ В. И. Кононова, *Языковые средства стилизации в советском историческом романе*. (А), М., 1954.

¹² С. А. Пугач, указ. автореф.

новить осуществление писателем «принципа соответствия средств изображения изображаемому миру»¹.

Есть случаи, когда грамматические формы прямолинейно ставятся в связь с выражением идеологии писателя и с целями словесно-живописного выражения. Например, указывается на «бесконечное разнообразие» (!) безличных предложений, которые используются писателем для воплощения идейно-художественного замысла и ставятся им «на вооружение борьбы за свободу, за счастье народа»... и т. д.².

Легко заметить, что вопросы изучения языка и стиля литературных произведений выдвигаются не только в пределах собственных теоретических задач науки о языке, но и в широком практическом плане, в каком их ставил М. Горький, призывавший изучать речевой опыт выдающихся писателей, знакомиться с приемами техники литературного мастерства³, раскрывать тайны искусства словесной живописи и бороться за чистоту, смысловую точность языка⁴. Литератор как мастер становится предметом изучения не только литературных критиков⁵, но и ученых-языковедов, которые стремятся рассматривать язык, стиль произведений в связи с их содержанием, чтобы «глубже раскрыть своеобразие таланта» писателя⁶, понять технику словесно-живописного искусства и таким путем оказать помощь писателям в «совершенствовании художественной формы»⁷, содействовать улучшению качества литературных произведений⁸. Знакомство с деятельностью крупных мастеров слова должно помочь в борьбе за реалистическое искусство⁹. Опыт русской классической литературы осваивается для решения задачи, поставленной партией, — создать полноценные художественные произведения, в которых глубоко и полно отразилась бы советская действительность¹⁰.

Признание системного характера языка еще не приводит, однако, к достаточной полноте изучения различных сторон его структуры. Чаще всего изучается лексика произведений. Большое внимание уделяется местным диалектизмам в языке художественной литературы¹¹. Если из общего словарного состава отбирается для исследования лишь один «лексический пласт», то исследователи обычно довольствуются ссылкой на тесное взаимодействие с другими лексическими пластами изучаемого вида лексики¹². Иногда «удачное переплетение» разностильных лексических категорий считают верным средством достижения «высокой художественности»¹³. Заметим, что диссертанты, касаясь вопросов эмоционально-экспрессивной лексики, не всегда учитывают возможность титования одного и того же слова к разным видам экспрессии¹⁴.

При изучении различных «лексических пластов» выясняется, насколько широко охватил писатель словарный состав общепарадного языка. Но не все в инвентарной описи лексических средств, использованных писателем, имеет значение для художественно-стилистической характеристики его речи. Только в тех случаях, когда материал общепарадного языка содержит в себе смысловой параллелизм и располагает определенными синонимическими соответствиями, позволяющими делать из них выбор, можно усматривать в речи писателя «стилистическое намерение», иначе говоря — предпочтение

¹ Ср. В. Н. Хохлачева, указ. автореф.

² Т. П. Малина, Безличные предложения и их стилистические функции в произведениях А. М. Горького. (А), Киев, 1953, стр. 16.

³ Ознакомление это должно «служить дальнейшему обогащению различных стилей советской художественной литературы» [см. А. Д. Алексеев, Работа А. М. Горького над языком романа «Мать». (А), Пенза, 1953].

⁴ См. Т. А. Дзасохова, Работа А. М. Горького над языком романа «Дело Артамоновых». (А), М., 1954.

⁵ Ср. М. Горький, Собр. соч., т. 25, М., 1953, стр. 260.

⁶ См. Т. К. Черторижская, Особенности языка и стиля трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». (А), Киев, 1953, стр. 3.

⁷ С. О. Цаленчук, Язык и стиль произведений А. А. Фадеева (ранние повести и роман «Разгром»). (А), Львов, 1951.

⁸ Н. В. Черемисина, О языке и стиле советской научно-художественной прозы. (А), Харьков, 1953; В. И. Конинова, указ. автореф.

⁹ Л. А. Веденская, Лексика драмы «Любовь Яровая» К. А. Тренева. (А), М., 1952, стр. 1; Л. Е. Ярощук, Художественная проза Герцена 40-х гг. (А), М., 1953, и др.

¹⁰ Ср. Н. С. Манаев, Роман Тургенева «Отцы и дети» (Проблематика и художественное мастерство). (А), М., 1953.

¹¹ К. Л. Ряшенцев, Диалектная лексика в авторской речи М. А. Шолохова, Дзауджикау, 1949; см. еще М. В. Глушкова, указ. автореф., и ряд других.

¹² П. М. Фесуненко, Особенности лексики советской исторической повести для юношества. (А), Киев, 1954, стр. 3—4.

¹³ И. А. Федосов, Лексика и фразеология романа А. М. Горького «Мать». (А), М., 1953, стр. 1.

¹⁴ О лексико-семантическом анализе см. в докторской диссертации В. А. Звигица «О принципах семасиологических исследований» (М., 1954).

одних средств выражения другим. Если же возможностей такого выбора нет, то писатель использует словесный материал только как названия предметов, явлений и пр., за которыми закреплены определенные словесные обозначения. Употребление таких речевых средств обусловлено не избирательной деятельностью, но самим предметным содержанием речи¹. В этом уточнении особенно нуждаются диссертации, посвященные роли терминологической лексики в произведениях художественной литературы. Бесспорно, однако, что производственно-технические термины способны придать речи литературного произведения определенную тональность².

Стремление к возможно большей точности выводов заставляет некоторых исследователей пользоваться такими объективными показателями, какими являются свидетельства математических подсчетов. Использование цифровых данных бывает полезным, например, при изучении структурных соотношений различных элементов системы языка и пр. Подсчет слов определенной категории может показать проявления личных склонностей писателя, особенностей его видения мира и т. д. Вообще статистические приемы изучения уместны лишь тогда, когда с их помощью раскрываются внутренние закономерности, существенные черты изучаемого предмета. В других же случаях они создают только видимость строго объективной характеристики. Вряд ли очевидна целесообразность вычисления в процентах словарного состава произведений писателя, чтобы языком цифр определить «удельный вес» разных «лексических пластов», устанавливаемых по различным признакам, в частности по признаку этимологическому³. Но некоторым исследователям, добивающимся объективной определенности выводов, кажется весьма заманчивой возможностью широко пользоваться цифровой символикой, хотя этот прием таит в себе некоторые опасности. «Всякие цифры вообще, а особенно цифры статистические, — писал А. Льесс, — действуют на ум с особым очарованием. Символы точности, они носят в самих себе неотразимую убедительность непреложного факта... Они сразу же овладевают вниманием и подчиняют себе всецело, если во время не принять мер предосторожности против их покоряющего влияния. Они с необыкновенным искусством могут прикрывать парадоксы и расширять заблуждения»⁴.

Может показаться странным, что обширной практике изучения языка и стили произведений художественной литературы не предшествовали попытки специального «искусствоведческого» определения самого изучаемого предмета — литературного произведения как особого рода эстетического объекта, который может быть познан лишь в неразрывном единстве «содержимого» и средств его словесно-художественного воплощения. Разработка вопроса в этом плане не прошла бы бесследно для уяснения таких понятий, как «стиль литературного произведения», а также для определения места языка в структуре стили эстетического объекта, для уточнения отношений языка художественной литературы к системе стилей национального языка и пр. В сущности, при определении задач стилистического изучения языка художественной литературы идея неразрывности всех компонентов произведения литературного искусства уже признана методологической предпосылкой. Она же определяет собой и то общее направление научного анализа художественных произведений, которое в общих чертах намечено В. В. Виноградовым⁵.

Постановка проблемы языка художественного произведения как индивидуального стиля, служащего средством выражения мировоззрения писателя, привела к мысли о необходимости «взаимодействия» языковедческого и литературоведческого подхода при исследовании стили литературных произведений⁶. Но в этой области сделано еще очень мало по причинам, о которых писал Л. Шнитцер, утверждавший, что «историки литературы страдают... недостатком образования лингвистического, лингвисты — эстетического, от чего в равной мере страдает исследование стили... Результатом взаимной отчужденности наук о литературе и языке является то обстоятельство, что литературные памятники обычно исследуются лингвистами... с точки зрения их лингвистической,

¹ См. Д. Д. Ильин, Лексический состав произведений М. В. Исаковского. (А), М., 1934.

² См. И. С. Михалко, Лексика и фразеология современных советских романов на индустриальную тему (1945—1951 гг.). (А), Киев, 1953; см. также Ф. П. Сорколетов, Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны... (А), Л., 1952.

³ В. Ф. Алтаяска, указ. автореф., ср. также подсчет по грамматическому составу диалектных и просторечно-разговорных элементов в диссертации Ф. А. Маркановой «Диалектные и просторечно-разговорные элементы в языке художественных произведений И. С. Тургенева» [Ин-т языка и лит-ры им. А. С. Пушкина АН УзССР, (А), Ташкент, 1955, стр. 12].

⁴ A. Liesse, La statistique, Paris, 1912, стр. 46.

⁵ См. В. В. Виноградов, Язык художественного произведения, стр. 5.

⁶ Ср.: В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, стр. 37; Л. И. Тимофеев, Об анализе языка художественно-литературного произведения, «Литература в школе», 1954, № 4.

историко-документальной ценности (в духе, например, Асколи, который... усматривает „пропасть между искусством и языком, между наукой о литературе и наукой о слове“)¹. Но некоторые авторы интересуются явлениями образно-эстетической трансформации языка, используемого в речи литературных произведений². В этом плане исследователей особенно занимает стилистически нейтральная лексика, которая, входя в состав литературно-художественного текста, приобретает экспрессивно-стилистические качества³, так как происходит «заражение» («contagion») — действие одних слов на другие (Дармстетер, Бреаль).

Признание индивидуального стиля предметом языковедческого и литературоведческого изучения⁴, идея примата содержания и обусловленности им речевых средств выражения обычно носят лишь декларативный характер. Ограниченные понятия художественного стиля писателя речевым материалом, рассматриваемым в плане использования общепринятого языка, не только снимают проблему индивидуального стиля как средства выражения мировоззрения писателя, но и способны привести к выводу о том, что у изучаемого автора вообще «нет своего индивидуального стиля» (?), а наблюдается лишь большее или меньшее отличие одного писателя от других «в пределах единого языка данной нации, данного народа»⁵. Вывод этот нам кажется весьма симптоматичным.

Мы не могли охватить все проблемы и методические задачи, поставленные в диссертационных работах. Но и рассмотренный материал показывает, что будущая история литературного языка сможет опереться на многочисленные факты, которые собраны, систематизированы и осмыслены в многочисленных исследованиях о языке и стиле писателей. Вполне очевидно, что научная теория все еще значительно отстает от практики изучения, которая дает основу для разработки теоретических вопросов истории русского литературного языка и стилистики художественной речи.

Р. Р. Гельгардт

НОВЫЙ КИТАЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В июне 1957 г. в Китайской Народной Республике вышел в свет первый номер нового филологического журнала «Западные языки и литературы» («Сифан юйвэнь»). Редакционный совет журнала учрежден при Пекинском институте иностранных языков. Периодичность издания — четыре раза в год. К настоящему времени вышло уже несколько номеров этого журнала.

Появление нового журнала — заметное событие в научной жизни Китая. В Китайской Народной Республике издается три журнала, посвященных китайскому языку и письменности, выходит специальный журнал по реформе китайской письменности, журналы по китайской литературе, журналы по русскому языку, однако до сих пор не было специального печатного органа, который бы систематически освещал вопросы, связанные с изучением и преподаванием западных языков и литературы. Между тем, как отмечается в редакционной статье первого номера, в Китае уже много лет ведется преподавание западных языков, причем за последние годы преподавание этих языков значительно расширено. В настоящее время в Китае существует восемь институтов иностранных языков, в восьми университетах и семнадцати педагогических институтах имеются специальные факультеты иностранных языков с общим количеством студентов свыше пятнадцати тысяч человек.

Новый журнал должен явиться серьезным стимулом для развертывания научно-исследовательской работы в области западных языков и литературы, а также должен стать трибуной обобщения и освещения опыта преподавания западных языков. В журнале будут освещаться как вопросы преподавания, так и вопросы, связанные с изучением языков и литературы. При этом редакция предполагает пока ограничиться матери-

¹ Л. Ш п и т ц е р, «Словесное искусство и наука о языке», [сб.] «Проблемы литературной формы», Л., 1928, стр. 191—192.

² Ср.: В. И. З е б е л ь, «Язык повести «Детство» А. М. Горького», (А), Харьков, 1954; С. А. П у г а ч, указ. автореф.

³ Ср. Г. Ф. М и т р о ф а н о в, указ. автореф.

⁴ В. В. В и н о г р а д о в, «Итоги обсуждения вопросов стилистики», стр. 86.

⁵ А. П. А н д р и е в с к а я, «Язык художественной прозы и публицистики военных лет К. Симонова», (А), Сталино, 1954, стр. 14—15.